

пом или пятом классе я видел у него тетрадь с надписью:
собрание сочинений А. Солженицына. Том первый. Книга первая»

Учительская газета. — 1992. — 28 янв. (№4). — С. 18.

Юность «Архипелага»

Василий ШПАЧКОВ

Журналистская судьба свела меня недавно со школьным другом Александра Исаевича.

Саня Солженицын и Коля Виткевич учились когда-то в одной школе. Проводили вместе каникулы, проехали на велосипедах по Ростовской области, Закавказью, Украине. Была до войны и еще одна поездка — на Кавказ, заставившая друзей на многое взглянуть другими глазами.

— Загорелись мыслью поехать по местам революционной деятельности товарища Сталина. Подобрали группу и покатались на велосипедах в Грузию.

Приезжаем в Тбилиси — неудача: закрыт музей.

Ну помыкались немного, посоветовались, и Сашка Брень (был такой пробивной хлопец в группе) предложил пойти за разрешением в ЦК. А секретарем-то был там в то время Берия...

Вот так судьба забросила им первый «крючок». А до попадания в сеть, огромной липкой паутиной расставленную Лаврентием Павловичем по всей стране, оставались еще годы и годы. (Сидящий напротив меня седой человек «оттянул срок» по статье 58/10 часть вторая. И давали ее по тем временам заклятым «врагам» народа).

Берия разрешил ребятам осмотреть музей, запретив что-либо фотографировать и записывать. Когда попали внутрь здания, поняли, почему. Смотреть в экспозиции было практически нечего, а значит, и вся «революционная деятельность» товарища Сталина превращалась в блеф, красивую легенду.

Однако каждый из группы честно выучил наизусть по два документа, и на основе полученных «показаний» Солженицын ухитрился написать соответствующий отчет о поездке.

Вот так и жили «три мушкетера» (третьим был Кирилл Симонян), воспитываясь на «Манифесте» и «Капитале». Но с бескомпромиссностью юности, «в лоб» оценивали друг друга даже в играх.

— Ты, морж (такой была кличка Солженицына в школе), как самый хитрый, будешь Арамисом, — заявил как-то Кирилл. — А Кока (школьное прозвище Виткевича) станет Портосом.

Игры играми, а между тем в окружающей восьмиклассников жизни (и это они тоже оценили бескомпромиссно) потихоньку растрачивался великий революционный капитал, оставляя народу лишь Манифест.

До войны Солженицын с Виткевичем вдвоем проплыли на рыбацкой лодке по Волге от Казани до Куйбышева. И без конца говорили, думали, спорили. Оба искали непременно свою дорогу, свою истину. Они были молоды, а значит, сильны той силой, которая, по словам Герцена, «нисколько не обеспечивает будущего, но делает его крайне возможным».

Вдохновленные заветом «овладеть всеми знаниями, которые выработало человечество», решили начать с

естественных наук. Виткевич и Симонян поступили на химический факультет, Солженицын — на физикоматематический. Прочувшись два курса, решили поступать еще и на заочное отделение ИФЛИ (годы-то как у Юлия Цезаря, в отчаянии произнесшего в эти лета, что ничего не сделано для бессмертия!). Инициатором был Солженицын («Все зачеты и экзамены в университете сдаем до сессии, а затем едем в Московский институт истории, философии и литературы»).

Учеба сразу в двух вузах — тяжелый крест.

— Вкалывали, понятно, как каторжные. Подъем в шесть ноль-ноль, потом активная зарядка — и сразу занятия...

Они выдержали тогда этот сумасшедший темп — поступившие на литфак Солженицын и Симонян и пришедший на философский факультет Виткевич. Сообразуясь с целью, разработали специальную методику занятий. Научились, не заглядывая в конспект, по памяти «шпарить» все услышанное накануне на лекции, «в уме» делать выкладки и расчеты. Потом — завтрак и в университет. Обед, прогулка. И снова работа в лабораториях или допоздна в академической библиотеке.

По воскресеньям — взаимный предметный опрос. (На первых курсах обоих факультетов ИФЛИ тогда параллельно шла серия исторических предметов: история первобытного общества, Древнего Востока, Египта, Вавилона, Персии, Древней Греции и Рима, средних веков...). Один тащил билет и отвечал, другой дополнял и исправлял, а третий просто изводил того и другого вопросами.

Да, они смело установили «планку» и смело шли на нее. Никаких увеселений, только учеба и работа. Все это было ой как нелегко. Тем более что приходилось всем троим еще и подрабатывать уроками. (Позднее, кстати, это выработанное в молодости

качество здорово помогло Н. Д. Виткевичу. Ведь защитил он кандидатскую диссертацию после десятилетней «командировки» в ГУЛАГ, перевалив через сорокалетний рубеж!).

А Кирилл Семенович Симонян (уже, к сожалению, умерший) перешел в мединститут и стал со временем одним из крупнейших советских хирургов, профессором. Он, кстати, был одним из шестерых медицинских «светил», которые буквально по частям «сшивали» попавшего в автокатастрофу гениального физика Ландау.

Из года в год у друзей все четче определялись жизненные ориентиры. Преодолевая «сопротивление материала», они упорно вели крепкую кладку своей судьбы. В поте лица трудились, искали, накапливали опыт и знания. Понемногу, исподволь, все больше укреплялись в мысли, что каждый человек является носителем личной ответственности, под напором фактов освобождался от довлеющих над сознанием вульгарно-социологических и других догматических стереотипов. А жизнь подбирала в «костер» мятущейся совести все новые «поленья».

...Под гром фанфар идет сплошная коллективизация, а деревня голодает: вот и в Ростове-на-Дону уже валяются на улицах опухшие от голода люди.

В областной газете «Молот» прочитали: «Привет лучшему большевику Азово-Черноморья Борису Петровичу Шеболдаеву», а через несколько дней там же: «Враги народа Шеболдаев и Ларин (председатель крайисполкома)»...

А вскоре объявили врагом народа и командующего Северо-Кавказским военным округом, героя гражданской войны командарма первого ранга Н. Д. Каширина.

В Москве же шел процесс за процессом. И если судьба Троцкого, Зиновьева и Каменева друзей не очень

то взволновала (хорошо помнили замечания Ленина в их адрес), то, когда объявили врагами народа Тухачевского, Уборевича и Блюхера, «треугольник» крепко задумался. Медик-литератор Симонян, математик-литератор Солженицын и химик-философ Виткевич поняли, что так или иначе повторяется история времен Великой французской революции, идет взаимное уничтожение революционеров. Не видеть этого было нельзя.

А Солженицын все больше понимал, что запрограммирован на литературное творчество.

— Целеустремлен и организован Санька был (так во время всего разговора мой собеседник называл Солженицына. — В. Ш.) необыкновенно. Можно как угодно это расценивать, но в четвертом или пятом классе я видел у него тетрадь с надписью: «Полное собрание сочинений А. Солженицына. Том первый. Книга первая». Он уже тогда верил, значит, серьезно готовился.

Да, по словам школьного друга, будущий лауреат Нобелевской премии всю свою незаурядную работоспособность поставил на служение одной цели. («Составил четко продуманный план: прочитать всю русскую и зарубежную классику, непременно интересоваться музыкой и другими видами искусства»). И план этот выполнял неукоснительно. Время расписывал буквально по минутам («Помню, как пришедшая на свидание в библиотеку раньше назначенного Н. Решетовская вынуждена была терпеливо ждать, пока будущий муж оторвется от книги и обратит на нее внимание»).

Была ли в подобной тактике доля нарочитости, педантизма? Н. Д. Виткевич уверен, что была. И nemá. Но то, что Солженицын тщательно готовил себя именно для служения литературе, — бесспорно. Чувствуя «ахилесову пятую» в недостатке образования, он, как мог, старался закрыть эту брешь. И уже тогда понимал, что настоящая литература — подвиг. Отсюда, наверное, непохожесть, независимость и взыскательность к себе и другим даже в детстве и юности.

«В девять лет я думал, что стану писателем, хотя и не знал, о чем буду писать», — сказал Солженицын в интервью американскому журналу «Тайм» (оно перепечатано в еженедельнике «За рубежом», № 1, 1989 год).

И лишь позже, оказавшись вместе со школьным другом Н. Виткевичем в лагере, понял — о чем. Но это — уже другой рассказ.

♦ Восьмиклассники. Второй справа — А. Солженицын, второй слева — Н. Виткевич; в центре (в первом ряду) — К. Симонян.

Фото из домашнего архива Н. Д. ВИТКЕВИЧА. Фоторепродукция А. ШКРОБА.

